

ГЛАВА 13.

Автор журнала Nantrakul (1983 г.) писал:

«Лично я очень высоко ценю бунтарский дух и относительно независимое, воинственное отношение проституток, которых я знаю. Я редко нахожу эту черту характера в тех женщинах, которые не имеют с проституцией ничего общего. У женщин Патпонга есть дух воина, как в сексуальных отношениях, так и во всем остальном. В то время как их сестры среднего класса, подавляемые мужчинами-консерваторами, живут по двойным стандартам и ценностям, женщины Патпонга имеют больше независимости в их личной и интимной жизни. Их ближайшее знакомство с самой грубой изнанкой жизни и мужской природой намного поучительнее, чем претенциозная атмосфера искусственных и консервативных мыслей, в которых заперты «хорошие» женщины.

Преобразования могут занять месяцы или годы, но это всегда происходит, и интересно наблюдать за невинными и простодушными молодыми девушками, которые превращаются в искушенных и непокорных женщин в этом обществе господства мужчин, где вне всякого сомнения «хорошие» женщины подвластны мужскому превосходству. Обозначив себя шлюхами, они сбежали со своего привычного места, нарушая угнетающие правила «хороших» женщин и совершенствуя дух борца за выживание и лучшее будущее. Им удалось перерасти социально-бытовые условия, в которых они родились».

На следующий день ко мне пришла Хой. Она рассматривала свадебные снимки, которые я недавно сделала.

– Можно мне эту? – спросила она, указывая на фото, где были изображены она с тремя братьями Сумали. – Алекс сердился на меня за тот день. Он думает, что я занималась любовью с этим вот мальчиком. Он красавчик, разве нет? Ему шестнадцать лет.

– А ты занималась любовью с ним?

– Нет, – ответила она со смехом, но затем взяла и поцеловала фото.

– Вы с Алексом помирились?

– Мы всегда с ним бодаемся. Вчера вечером я злилась на него. Он купил еду для своего друга, а не для меня. Я сказала ему, что пойду назад работать в Rifi. Я позвонила в бар и спросила хозяина, но он оказался в Лондоне.

– Ты действительно хочешь туда вернуться?

Она покачала головой, но ее взгляд был таков, словно эта идея не была ей неприятна. Спустя несколько часов после того, как Хой ушла, позвонил Алекс, он искал ее.

– Она рассказала тебе о проблеме между ней, Сумали и Шломо?
– спросил он.

– Нет, а что произошло?

– Перед свадьбой к Сумали приезжал старый друг, немец, который тоже хотел жениться на ней. Затем как раз перед свадьбой Хой разболтала Шломо о тайной встрече Сумали с немцем. После свадьбы случился скандал, и Сумали убежала. Ее до сих пор нет. Шломо не знает, где она.

– Бедняжка Сумали.

– Я не могу винить ее за то, что она не желает возвращаться и тем более видеть Хой, на которую она жутко разозлилась. У Хой есть такая скверная черта.

– Она, вероятно, завидует Сумали, ведь у той есть все.

– Может быть, но нельзя же быть такой стервой.

Алекс также сказал мне кое о чем, что случилось на свадьбе:

– Она поглаживала тайского мальчика и говорила ему неприятные вещи обо мне.

Я знала, что тот тайский мальчик был тем самым, кого Хой целовала на фото, но я ничего не сказала об этом Алексу.

Я не пошла на Патпонг той ночью. Джек сказал, что придет, когда закончит работать. На следующий день мне нужно было идти в Иммиграционную службу продлять свою визу. Я хотела немного поспать перед тем, как он придет. Как оставлять Джека в квартире, пока я пойду по делам? Могу ли я оставить его одного? Я могла бы пойти в Иммиграционную службу и позже днем, но там будет больше людей в очереди. Даже если я пойду туда рано утром, то все равно это займет три или четыре часа в очереди. Оставить ли его у себя дома? Скорее всего, он все равно не смог бы понять, с какой стороны подходить к телевизору или к компьютеру. Свою банковскую книжку я могу взять с собой, а важные документы, особенно те, в которых стоит моя дата рождения, были заперты в ящике стола.

Я уже рискнула и позволила войти ему в свою жизнь, полагая, что могу доверять ему и дальше. Так как он спал допоздна, я могла спокойно оставлять его одного в квартире... либо стать заложницей его привычек.

После двух часов ночи пришел Джек.

– Я все еще сплю, – сказала я, приоткрыв один глаз. Я была рада видеть его.

– Мы примем душ вместе? – предложил он. – Просыпайся.

– Хорошо.

Нацеловавшись вдоволь, мы расположились на краешке ванны. Я обвила его ногами, потеревшись щека об щеку. Мы вместе сидели с закрытыми глазами. Наконец-то мы залезли в ванну и стали, дурачась, поливать друг друга из душа.

– Тайцы очень чистоплотные, – сказал Джек. – Все время моются.

Мы намылили друг друга и снова стали нежно тереться скользкими лицами в мыльной пене. Ополоснувшись душем, я подумала, что тут все дела сделаны. Но нет, он взял мыло и намылил себя снова.

– Что ты делаешь? Ты уже чистый, – сказала я ему. – Я вымыла тебя очень хорошо. Везде.

– Я должен сделать это три раза.

– Три раза? Но зачем?

– Чтобы быть чистым.

Я смотрела, как он намыливал себя. Он ополоснулся и сделал это снова.

– Ты делаешь это три раза каждый раз, когда моешься? – засмеялась я, и сгребла немножко пены с его тела. – Вы, тайцы, сумасшедшие. Позволь и мне внести свой вклад. Эта часть твоего тела – моя.

Мы смеялись и продвигались к кровати, даже не высохнув и не обтеревшись.

Когда я собиралась заснуть, он спросил:

– Ты быстро становишься ревнивой?

Я задалась вопросом, о чем же он думает.

– Да. Очень.

– Если бы мы поженились, и я посмотрел бы на другую женщину, что бы ты сделала?

– Ну, долго б ты не прожил.

Он засмеялся над тем, как я сказала это на тайском языке («долото не пуржил»), и повторил это три раза.

Я ущипнула его.

– Ой.

– Джеб, лах? (Чё, больно?)

– А что ты такая жеманная?

– А ты не такой же? Ты жеманный тоже, – сказала я, положив руку ему на грудь.

– Какого типа мужчины тебе нравятся? Сильные?

– Нет, не brutальные, с большими накаченными мышцами, нет. Мне нравятся в точности такие, как ты.

– Оахх! – он расплылся в широкой улыбке, а затем спросил:

– А как насчет богатых мужчин? Тайские женщины желают только богатых мужчин. Я думаю, что ты найдешь лучшего мужчину, чем я. Тебе нравится мужчина с образованием.

У него действительно были с этим пробелы. Он не был тем, кого бы я забрала домой к своей мамуле. Но я сказала:

– Нет, нет, ты замечательный. Нет никого лучше тебя. Лучше скажи, какие женщины нравятся тебе? Красивые?

– Красота – не важно. Доброе сердце важнее.

– А, так ты любишь страшеньких. Я тоже страшенькая? Значит вот почему ты со мной.

Я ждала комплимента. Как мне соревноваться с великолепными юными красотками из массажного салона? Какая ужасная мысль – изящные красавицы, скромно ожидающие, когда их выберет какой-нибудь клиент. Были ли они идеальными в его представлении о красоте?

– Важно зубы, – сказал он. – Я хочу женщину с хорошими зубами. Зубы? Какие интересно они, мои зубы? Хороши ли для него?

Он не отвечал. Хотя я никогда не думала плохо о своих зубах, теперь внезапно задалась вопросом, одобряет ли он их. Почему он заставляет меня чувствовать такой неуверенной в себе? Он не отвечал так, как обычно отвечают фаранги. Он бы мог сказать, что я подходила ему, или что нравились ему, даже если это была бы неправда. Я лгала ему! Я бы не за что не рассказала бы о нем своей мамуле, а мои друзья просто охренели бы, узнав, что я встречаюсь с тайским сутенером из трущоб. Может, он действительно находил мои иностранные замашки непривлекательными, а мои зубы недостаточно хорошими.

На 6:30 я завела будильник. Так я была бы первой на очереди в службе Иммиграции, и надеялась пройти все инстанции как можно быстрее. Джек, вероятно, будет все еще спать к тому времени, когда я вернусь.

– Пойду получать свою визу рано утром, – сказала я ему. – На обратном пути возьму поесть. Что ты любишь есть?

– Что угодно, я ем все.

Мы задремали за час до будильника.

– Спи, – сказала я ему. – Я скоро вернусь.

Но он не стал снова ложиться. Выйдя из ванной, я увидела пустую кровать. Он сидел в гостиной и ждал меня с чашкой кофе.

– Ты сделал для меня кофе? Какой же ты замечательный.

Тайский мужчина сделал для меня кофе! Я села рядом с ним на диван и положила ноги на него, наслаждаясь кофе. Он обхватил меня одной рукой за плечи, и мы нежно прижались друг к другу. Мне не хотелось отлипнуть от него, чтобы одеться. Через какое-то время он засмеялся.

– Ты опоздаешь. Ты говорила, что хотела бы придти первой.

– Точно. Хорошо, я встаю и иду, прямо сейчас.

Когда я начала подниматься, он опустил мою голову вниз... и я отсосала ему.

Я надела свое «Иммиграционное платье» – консервативное, строгое, средней длины, темного цвета. Джек сидел на кровати и наблюдал за мной. Я объяснила:

– Я должна быть похожа на того, кому бы они захотели продлить визу.

Сейчас я уже ужасно торопилась. Слишком долго я бездельничала с Джеком.

Он пошел проводить меня до двери, и там мы снова немного заилипли. Было приятно думать, что кто-то меня будет ждать.

А вдруг он бодрствовал по другой причине? Решился ли он обокрасть это место, которое и так теперь стало его? Ну, рано или поздно я должна была это проверить. И это был тест. Я немного боялась того, что я могла обнаружить к своему возвращению.

Только один человек пришел в службу Иммиграции раньше меня, это был японец. Я знала установленный порядок. Сначала я должна была сделать копии своего паспорта в магазине напротив. Мне пришлось побегать рысью туда-сюда по оживленной дороге без светофора. Затем я должна была заполнить форму, приклеить свою фотографию на документе, поставить официальную печать, постоять в очереди, чтобы оплатить взнос и пойти наверх, чтобы ждать кого-то в американской секции. Там у меня проверили документы, внесли мое имя в бухгалтерскую книгу и задали несколько вопросов.

Затем после большего количества форм и печатей, другой чиновник положит мой паспорт на стол своего руководителя. Хотелось бы надеяться, что все решится в течение одного часа. Руководитель поставил бы свою подпись на него, и я могла бы уйти. В этот день все заняло три часа. Я воображала Джека, ждущего меня, и от этого мне приятно было сидеть и ждать. Но с другой стороны, может быть, хорошо, что я находилась тут, а то мне бы пришлось ждать, пока Джек проснется. Я задалась вопросом, закрылся ли Джек после того, как я уехала. Вероятно, нет. Иначе я не смогла бы войти с моим ключом. Это означает, что могут войти горничные. Если они обнаружат кого-то в кровати, то они уйдут убираться в другую квартиру. Что же мне купить на обед? Я хотела что-нибудь такое, что вызовет улыбку на его лице. Он, наверное, предпочитает тайскую еду, но я ничего не знаю об этом. Где я могла сделать свои покупки? Магазин «У Робинсона»! Весь пятый этаж продавал тайскую и китайскую еду, там был кафетерий, где продавали еду на вынос.

Наконец со своим паспортом, в котором стояла печать и подпись главного чиновника, я села на тук-тук до «Робинсона» на Силом-Род. Разнообразные продукты на нескончаемых прилавках занимали огромную площадь. Все выглядело заманчиво и восхитительно пахло. Я решила закупить всего понемногу и сделать шведский стол. Я принесла бы все это Джеку, и это заставило бы его улыбнуться.

Через какое-то время у меня в корзинке лежала пластиковая коробка с мясными рулетиками в тесте, лапша, жареный рис, и утка. Еще я купила рыбные шарики на палочке и блинчики с начинкой. Он, вероятно, любит овощи, подумала я, и положила еще пакет жареной зелени, и пакет с жареным кальмаром. Что еще? Десерт. Я купил желе в форме квадратиков различных цветов, и нечто, пропитанное медом. На всякий случай я взяла какие-то штуковины, похожие на яйца, но приготовленные в фольге. Я покинула «Робинсон», еле унеся свои сумки.

Джек, разумеется, засмеялся бы, когда увидел такое. Я не могла дожидаться, чтобы увидеть выражение его лица. Ему с его желудком надо постоянно принимать пищу.

Когда я вошла в свой дом, то увидела группу соседей, сгрудившихся возле распределительного щитка. Мне стало интересно, что же произошло. Я не могла остановиться, чтобы узнать что случилось, так как была загружена пакетами. Я заметила, что они повернулись, чтобы посмотреть на меня. В тот момент я ни о чем не думала.

Когда я вошла в лифт, один из них, мастер, побежал за мной и протиснулся в закрывающуюся дверь. Немного поколебавшись, он посмотрел в потолок и затем взволновано сказал:

– Я сожалею.

Я подумала, что он сожалел о задержке лифта.

– Проблема... э-э-э... – сказал он. – Тот тайский мужчина... это... того...

Тайский мужчина? Он имеет в виду Джека? Что там произошло с Джеком?

– Что произошло? – спросила я.

– Да это... того... тайский мужчина подрались с женщиной.

Подрались? О нет. Джек подрался с горничными? Может, они зашли, чтобы убратсья в квартире, и они из-за чего-то сцепились? Что он мог сделать? О нет, может те люди в лобби тоже были участниками этой истории?

Меня охватила паника. Какие неприятности у меня в квартире устроил Джек? Он поколотил горничных?

– Это все уже закончилось? – спросила я.

– Да. Конец. Он уйти.

– Он ушел? Его нет?

– Да.

Я стояла с четырьмя пакетами еды для Джека. Аромат сочной утки дерзко заполнил пространство лифта. Что же он наделал? Может быть, горничные поймали его, когда он творил что-то нехорошее.

Я открыла дверь своим ключом. Мастер вошел вслед за мной в мою квартиру.

– Я сожалею, – повторил он, когда я увидела следы разрушений. У ног лежал мой фотоаппарат с оторванной дверцей от батарейного отсека, а сама батарейка валялась неподалеку. Стул был перевернут. Дискеты валялись на полу, словно кто-то кидал их об стену. Там же лежали телевизионная антенна и мой кассетный плеер с вырванным кассетоприемником, а куски черной пластмассы от него были разбросаны повсюду. Глубокие царапины виднелись на паркетном полу, как будто тащили что-то тяжелое.

Я подняла с пола женский ободок с леопардовой расцветкой.

– Что это такое? – спросила я тупо.

– Должно быть это от женщины.

– Женщина? Не горничная? Какая женщина?

– Женщина, которая пришла драться с ним. У мужчины есть *mia* (жена).

Жена? Жена Джека была здесь?

– Я ничего не понимаю, – в отчаянии сказала я.

– Он взят позвонить. Она явилась. Они драться. Человек ниже этажом думать, что это были вы. Люди волноваться за вас, но горничная сказала, что вы уже ушли.

Я вошла в спальню. Это было похоже на ураган, разбушевавшийся тут недавно. Вся моя одежда из шкафа была разбросана по полу. Все три ящика тумбочки были вытащены и вместе с содержимым разбросаны по всей комнате. Под одеждой пол был покрыт керамической крошкой. Мои слоны! Мои керамические слоники все были разбиты. Большой 30-фунтовый слон, которого я тащила из Вьетнама, лежал на боку посреди этого побоища.

А это что? Кровь? Багровые пятна были на простынях. Заметив их, я увидела пятна и по всему полу. Две горничные вошли ко мне, качая головами.

– Очень злая женщина, – сказала одна из них.

– У кого текла кровь? – спросила я.

– Мы не видели их. Только слышали крики. Телефонистка видела. Кровь была везде. Мы уже убрали всю кровь снаружи. Кровь была на ступеньках, вокруг бассейна, и выходила на улицу.

Мне захотелось побыть одной, чтобы поплакать. Джек сразу же позвонил своей жене, как только я ушла из квартиры? Что они планировали здесь делать? Я решила пойти вниз, чтобы вместе со мной вышли мастер и горничные.

Спустившись, я пошла к телефонистке.

– Я сожалею, – сказала она. – Женщина приходила, спрашивала о вас. Я думала она ваш друг, поэтомупустила ее.

– Он звонил ей?

– Она звонила первой.

– Она звонила сюда?

– Да. Она звонила. Затем он перезвонил два раза.

– Кто истекал кровью?

– Мужчина. Женщина плакала и кричала.

– Они уехали вместе?

– Да. – Она скривила лицо и добавила, – Женщина не красивая, нет передних зубов.